

НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС СНОВА РАЗВОДЯТ САДЫ

“Нью-Йорк Таймс”: что в Америке думают о нас?

За последним поворотом дороги, ведущей к разрушенному реактору 4-го блока Чернобыльской атомной станции, на площадке наихудшей радиационной аварии в истории, две молодые женщины в белых масках осторожно рыхлили тяпками и граблями землю. Они готовили клумбу в тени “саркофага”, гигантского сооружения из бетона и стали, содержащего в большом количестве течи и трещины и закрывающего сейчас разрушенный реактор, в котором находятся около 200 тонн топлива, переплавленного с песком, бетоном и другим мусором. Это явилось результатом взрыва и пожара, который извергся 26 апреля 1986 года.

— В обычных условиях мы давно имели бы здесь цветы, — сказала Катя Премак... — Но мы продвигаемся очень медленно, — добавила она, опираясь на тяпку.

— На прошлой неделе, вот там, было обнаружено место наивысшей радиоактивности, — сказала она, указывая туда, где в совке с землей выделялся радиационный монитор, который обычно устанавливается во время убор-

ки. — Мы носим эти маски, потому что поднимаем пыль, и это может быть опасно.

Любому посетителю кажется более чем необычным, что тысячи людей все еще приходят работать сюда каждый день, 14 лет спустя после катастрофы, в результате которой сразу погибло 28 человек из-за высоких радиационных доз и которая затем передала безмолвную эстафету эпидемии рака щитовидной железы среди детей, живших в том направлении, в котором дул от станции ветер.

В конце концов, что-то должно измениться.

Президент Леонид Кучма объявил о закрытии последнего работающего третьего блока Чернобыльской АЭС в этом году. “Мы сами хотим закрыть последний блок, — сказал господин Кучма во время интервью в Киеве, столице Украины. — И это — не политическая игра. Мы закроем его”.

Но закрытие — только начало новой главы в жизни несчастной электростанции, чьи радиоактивные отходы и мусор должны находиться под наблюдением в про-

должение десятилетий, если не столетий для того, чтобы предотвратить дальнейшее отравление окружающей среды. И дело не только в том, что десятки тысяч украинцев зависят от станции из-за работы и электроэнергии, но и в том, что Украина испытывает острый энергетический кризис, даже сейчас, еще до закрытия Чернобыльской АЭС. Несмотря на интенсивные исследования о влиянии на здоровье огромного количества радиации, выброшенной в результате взрыва и пожара, общее самочувствие работников остается хорошим, хотя имеется больше вопросов, чем ответов относительно влияния Чернобыля в течение продолжительного периода времени.

Самый большой вопрос состоит в том, кто будет платить за все, что необходимо сделать здесь. С 1986 года конечная игра Чернобыля характеризовалась беспрепятственными взаимными обвинениями между Украиной, Соединенными Штатами и шестью крупнейшими промышленными странами относительно финансирования основных проектов по выводу из эк-

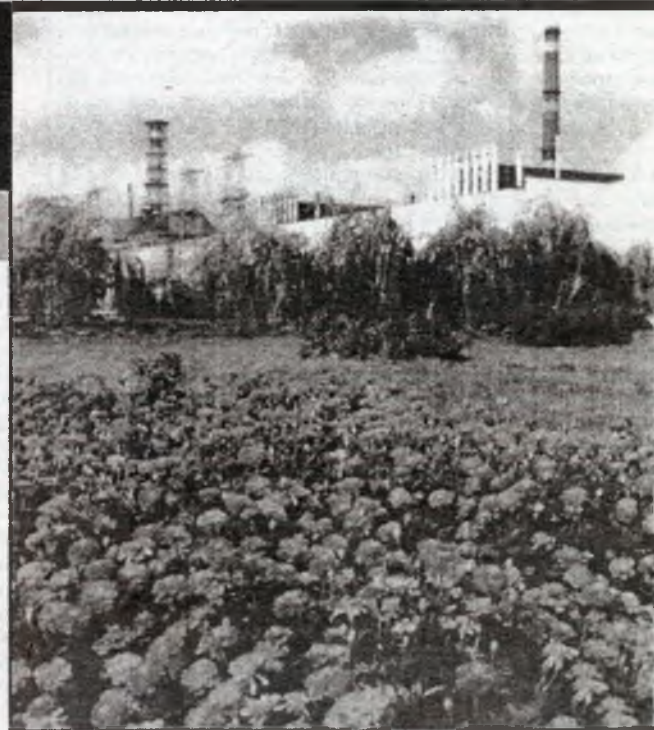
сплуатации и замещающих электрических мощностей.

Украина хотела бы завершить работы на атомных электростанциях, строительство которых велось в Западной Украине до распада Советского Союза, однако Европейский банк реконструкции и развития, ответственный за западное финансирование, не предложил условия предоставления займов для Украины, принимая во внимание господина Кучму и его правительство.

“Дефицит электроэнергии катастрофический в нашей промышленности, и если мы немедленно закроем блок, который вырабатывает один миллион киловатт, это будет страшным бедствием для украинской экономики, потому что ядерная энергия самая дешевая”, — сказал господин Кучма со ссылкой на Чернобыльскую АЭС.

Действительно, ревизоры из Киева принуждают во многих частях страны поочередно отключать электроэнергию на восемь часов.

Даже если Чернобыльскую АЭС закроют, понадобится найти средства для осуществления контроля за происходящим внут-

ри “саркофага” и для надежного удержания радиации в нем. Необходимо также постоянный корпус инженеров по безопасности. Более того, вероятно, соорудят новый “саркофаг” стоимостью в 750 миллионов долларов США, поскольку нынешний не имеет должного основания и подвергается воздействию дождевой воды, являющейся причиной появления облаков влажности в радиоактив-

ной темноте, разъедающей лабиринт трубопроводов и стальных балок и тем самым увеличивающей риск разрушений. Понадобится завод по переработке радиоактивных отходов, а также отопительная установка стоимостью 100 миллионов долларов и новые мощности для работы всех вспомогательных установок.

НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС СНОВА РАЗВОДЯТ САДЫ

(Начало на стр. 1)

Руководство семи крупнейших промышленных стран завершило, что внесет около 400 миллионов долларов, необходимых на "саркофаг". Но Кучма сказал, что "западная помощь очень медленно материализуется". "Это выглядит так, как будто бы мы закрываем большую дверь и вешаем большой замок, а затем забываем об этом, — сказал он. — Мы должны продолжать обслуживать эту станцию".

В своем интервью Кучма отметил, что Украина попросит помощи у России, если будет необходимо заменить электрические мощности Чернобыльской АЭС. Этот шаг подрывает западную цель укрепления независимости Украины в то время, когда президент Владимир Путин подчеркнул, что между его страной и Украиной есть общие корни.

"Мы будем искать компромисс с Россией, потому что 90 процентов оборудования на атомных станциях были сделаны в России. И экономически, и политически это достаточно выгодно и интересно для России", — сказал Кучма.

Его замечания, безусловно, были направлены на то, чтобы оказать влияние на Запад еще до июльской встречи руководителей "большой семерки" и России в Окинаве. Но, тем не менее, он исходит из того, что испытывает большое давление у себя дома, где энергетический сектор в значительной степени коррумпирован, а ведущие отрасли промышленности умоляют выдать им электроэнергию.

Другой вопрос: как быть в отношении Славутича — города, где проживают 28 тысяч человек, приглашенных в 1980-е годы для работы на Чернобыльской АЭС?

От Славутича до Чернобыля персонал добирается электричкой за 40 минут. Путь этой электрички пролегает через брошенную зону, где прежде проживали 135 тысяч человек. Радиус зоны — 18 миль. Когда-то это была фермерская земля. Но теперь территория поросла сорняками. И это именно то место, где захоронены радиоактивные грузовики, бульдозеры, оборудование, а также радиоактивные вертолеты и другая техника, которую использовали для засыпки в горящий реактор большого количества песка и бора, и при этом некоторые летчики погибли.

В искусственных каналах, необходимых для охлаждения реакторов, водятся огромные карпы и сомы. В прилегающих лесах все увеличивающиеся поголовья лосей привлекает внимание браконьеров, которые в ночное время устраивают охоту в зоне.

После аварии 1986 года Чернобыль стал символом ядерной катастрофы, разрушения... Исследователи полагают, что ее психологические последствия более пагубны для здоровья, чем огромные выбросы радиации. Авария — результат промышленной некомпетентности и презрения к окружающей среде, она способствовала разрыву советской системы взглядов.

Но для 6000 работников Чернобыльской АЭС и для ма-

териально зависимых от нее лиц сегодня, в независимой Украине, в атомной станции заключается все. Это — и платежный чек, и гарантированное жилье в то время, когда многие жители бывшего Советского Союза не владеют ни тем, ни другим.

"Я была студенткой электротехнического факультета в Москве и приехала сюда спустя два года после аварии, — рассказывает Ирина Ковбич, работающая в администрации станции. — Честно говоря, приехала по финансовым соображениям, потому что жить здесь, имея 1300 рублей в месяц и собственную квартиру, было лучше, чем жить в Москве, имея 130 рублей и не имея своего жилья".

Владимир Комаров называет себя патриотом Чернобыля, потому что он проработал здесь 20 лет. "Если вы поговорите с нашими специалистами, то все они согласятся, что станция может работать до 2006 года или, возможно, даже дольше", — сказал он.

Культура безопасности точно еще не распространилась повсюду. Ни госпожа Премак, ни ее сотрудница Наташа Поплегина не имели при себе дозиметров во время садовых работ. "Мы должны их иметь при себе все время, но я держу свой в санпропускнике", — сказала госпожа Премак.

Хотя на территории клумбы радиация была низкая, но она превышала естественный уровень в четыре раза. "Поскольку ты ее не видишь, кто знает, что можно от нее ожидать", — сказала госпожа Поплегина.

На площадке, с которой открывается вид на "саркофаг" (здесь во время своего визита на Чернобыльскую АЭС в 1998 году недолго стоял вице-президент Альберт Гор), радиация превышала естественный уровень в 4 — 10 раз. Это не является непременно опасным, но в любом случае не рекомендуется долго находиться под воздействием такой дозы.

Ветеран блока № 4 господин Елчицев в 1986 году потерял своего одноклассника. Он все еще продолжает верить в ядерную энергетику и сокрушается, что закрытие 3-го блока приведет к потере 300 миллионов долларов, необходимых для повышения безопасности... Господин Елчицев не обвиняет Запад из-за его давления закрыть Чернобыльскую АЭС настолько, насколько он обвиняет украинских руководителей из-за того, что они позволили развиваться коррупции и внедрить абсурдные реформы, тормозящие экономическое развитие.

В результате аварии около 50 тонн радиоактивной пыли и мусора было распространено при помощи ветра и дождя по всему северному полушарию, но более всего пострадали страны, которые находились вблизи этой зоны, особенно южная часть Беларуси. Уровень заболевания раком щитовидной железы возрос в десять раз в Украине и в 84 раза в некоторых частях Беларуси. В 1996 году в Украине и Беларуси у 800 человек наблюдалась эта болезнь, но количество заболеваний с тех пор резко выросло и продолжает расти. "К сегодняшнему дню только в одной Украине мы прооперировали 1500 детей", — сказал Валерий Терещенко, директор института эндокринологии в Киеве...

Во время конференции ООН по Чернобыльской аварии, состоявшейся в 1996 году, участники пришли к выводу, что больше всего подверглись заболеваниям люди, бывшие в 1986 году детьми и жившие на территории, которая подверглась влиянию аварии.

"Говоря по правде, — сказал доктор Мыкола Тронько, директор института по изучению раковых заболеваний щитовидной железы, — даже сейчас, спустя 14 лет после аварии, у нас больше вопросов, чем ответов".

Патрик ТАЙЛЕР,
"Нью-Йорк Таймс"

ОТ РЕДАКЦИИ. Помещая с небольшими сокращениями перевод статьи П.Тайлера, не так давно опубликованной в американской газете "Нью-Йорк таймс" под названием "Жизнь в тени чернобыльских реакторов. На территории Чернобыльской АЭС снова разводят сады", считаем необходимым сделать к ней комментарий. Уже сам факт публикации в одном из самых известных и авторитетных изданий мира (да еще под столь оптимистичным заголовком!) мог бы сделать честь кому угодно, удостоившемуся такого пристального внимания. Журналист Патрик Тайлер во время посещения Чернобыльской станции много общался с ее работниками, с помощью администрации был снабжен исчерпывающей информацией о современных проблемах АЭС и персонала, о насущных задачах, которые решают и которые еще предстоит решить в связи с готовящимся выводом всех чернобыльских энергоблоков из эксплуатации, преобразованием объекта "Укрытие" в экологически безопасную систему.

Зная о могучих возможностях издания, чернобыльцы вправе были рассчитывать на то, что их нынешние боли и чаяния будут пером публициста донесены широкой читательской аудитории, мировой общественности. Ведь они, чернобыльцы, вольно или невольно чувствуют некое осложнение взаимосвязей с окружающим их миром. С одной стороны мировое сообщество в лице руководителей стран "большой семерки", заботясь о своих интересах, в очередной раз (и теперь уже неукошительно!) руками украинского правительства закрывает действующий энергетический объект под названием "Чернобыльская АЭС", а с другой — вряд ли серьезно задается вопросом: а что будет после остановки последнего блока с персоналом, жителями нового города Славутича, возведенного для проживания энергетиков и их семей?

Рискнем предположить, что после декабрьского отключения рубильника на ЧАЭС общественность, именуемая мировой, просто о ней больше никогда не вспомнит.

Для того, чтобы этого все-таки не случилось, свою лепту пытается внести "Нью-Йорк Таймс", предоставляя обширную площадку для заметок о Чернобыльской АЭС своего корреспондента. И господин Тайлер, на наш взгляд, добротой поработал в избранном им направлении. Мы обойдем вниманием

некоторые неточности в обнародованных им цифрах, и посетуем на то, что ряд вопросов не нашел более конкретного освещения. Например, достойно сожаления, что, бегло сообщая о строительстве объектов, без которых невозможен окончательный вывод энергоблоков из эксплуатации, автор не нашел места для рассказа о сотрудничестве в этом и других направлениях украинской стороны с департаментом энергетики США. Напомним, что Соединенные Штаты вкладывают 22,5 миллиона долларов (при вкладе Украины 7,5 миллиона долларов) в завершение строительства промышленно-отопительной котельной, которая призвана в целях безопасности обеспечить на многие годы теплом закрываемые реакторы. В последнее время благодаря американской технической помощи на станции были существенно решены проблемы повышения безопасности: укреплен вентиляционная труба между третьим и четвертым блоками, усовершенствованы техника безопасности и контроль за критическими параметрами на объекте "Укрытие", осуществляется обучение и передача технологий технического обслуживания реакторов РБМК, установлены аналитический тренажер для третьего блока, средства анализа ядерных данных и другое. Стоимость этих мероприятий оценивается не одним миллионом долларов. В статье также не нашлось места для того, чтобы показать масштаб убытков нашей страны от закрытия станции, предоставить широкому читателю расчетные данные о предполагаемой потере рабочих мест, проблемах реструктуризации и диверсификации производства. Достаточно сказать, что по расчетам, сделанным в рамках программы TACIS, стоимость работ по снятию с эксплуатации и строительству новых установок оценивается по минимуму в 590 миллионов и по максимуму — в 673 миллиона евро.

Такие упущения можно было бы понять со ссылкой на популярный характер публикации, которая рассчитывалась на мало подготовленную читательскую аудиторию. Однако в ряде вопросов американский читатель с лихвой снабжается специфической статистикой и наблюдениями, например, касающимися медицинских последствий аварии либо надежности конструкций объекта "Укрытие". Мы, наверное, должны быть признательны автору и за меткие замечания, касающиеся проблем культуры безопасности. Действительно, в идеале она предполагает глубокое понимание проблем радиационной безопасности не только администрацией и специалистами, но и официантом станционной столовой, и работником "зеленого" хозяйства. На крутом изгибе социально-общественной идеологии Чернобыльской АЭС приблизиться по идеальной траектории к культуре безопасности просто не хватило времени.

Но, возможно, мы предъявляем к популярной публикации повышенные требования. Как говорится, была бы честь предложена. Спасибо и на том.

Виктор КАПУСТА